

УДК 930.1

В. И. Меньковский**История, историография и историческая память**

Анализируется состояние социальных и гуманитарных наук во второй половине XX — начале XXI века как социального и научного феномена. Рассматривается эволюция методологических парадигм и оценочных категорий, связанных с ценностными ориентациями культуры и общества.

Ключевые слова: научное сообщество, исторический факт, историография, социальные и гуманитарные науки.

Более двадцати лет назад прекратил существование Советский Союз. После 1991 г. для национальных историографий новых независимых государств первостепенной стала задача «выстраивания новых национальных историй», смены тех парадигм, которые создавались в советские годы. Поиск национальной самоидентификации сопровождался совершенно естественной критикой предшествующей историографической модели, направленной на доказательство исторической обусловленности совместного существования в рамках единого государства. Историческая наука выполняла как функцию «политики, обращенной в прошлое», так и функцию науки, формирующей будущее.

Однако было бы чрезвычайным упрощением свести изменения в историографическом комплексе лишь к политической (выполнение новой национальной задачи) и организационной (формирование собственной структурной и кадровой базы) составляющей. Изменения совпали по времени со сменой методологических парадигм в гуманитарной науке. Основное внимание переместилось с проблем политической и социальной истории в сферу культурной истории, для которой наиболее важным является анализ дискурса, пространства, визуальных источников.

Современные энциклопедические и справочные издания определяют научное сообщество как совокупность занимающихся наукой людей. Научное сообщество представляет собой сложную самоорганизующуюся систему, в которой действуют и государственные институты, и общественные организации, и неформальные группы. Отличительной чертой этого сообщества является повышенная степень признания авторитета, достигнутого научными успехами, сниженный уровень признания авторитета властного и более высокая, чем в других социальных сферах, эффективность неформальных групп и особенно отдельных личностей.

Отраслью исследований, изучающей закономерности функционирования и развития науки, структуру и динамику научной деятельности, взаимодействие науки с другими социальными институтами и сферами материальной и духовной жизни общества, является науковедение.

Поскольку, с одной стороны, наука представляет объективное знание, а с другой — процесс его получения и использования людьми, методология историографии науки должна принимать во внимание не только историю мысли, но и историю развития общества в целом. В силу сложности и многозначности любого исторического явления ни одно из них не может быть описано только белой или черной краской. Абсолютно положительной или отрицательной может быть только умозрительная конструкция, но не реальная общественная система. Именно поэтому в общественные науки введено понятие «идеальный тип».

© Меньковский В. И., 2014

Вопрос заключается в том, является ли приемлемым для историка выделение и отдельное описание событий и явлений вне исторического контекста — описание, которое раскрывает ранее неизвестные стороны исторического процесса, но не дает адекватного представления или даже затемняет процесс в целом. Вечный вопрос, стоящий перед историками, — это вопрос о взаимоотношении исторического факта, его понимания и оценки.

В определенном смысле все явления уникальны, однако это не означает, что научное обобщение невозможно. В работе «Конструирование социального исследования» справедливо отмечается, что даже самое всестороннее описание, сделанное лучшими специалистами, с детальным пониманием контекста будет резким упрощением и сужением обозреваемой реальности. Ни одно описание, каким бы полным оно ни было, и ни одно объяснение, независимо от количества привлеченных фактов, не может всесторонне передать многообразие мира. Поэтому систематическое упрощение является решающим шагом на пути к полезному знанию [1, р. 219].

Отношение к применению моделей в исторической науке остается дискуссионным. Часть исследователей разделяет антинатуралистический подход, опирающийся на признание принципиальных различий методов естественных и общественных наук. Сторонник такой точки зрения А. Мейер утверждал, что история, как и обществоведение в целом, является больше искусством, чем наукой [2, р. 108]. При всей внешней парадоксальности и вероятной провокационности утверждений подобного рода следует признать, что разъяснения, даваемые автором, указывают на ряд действительных проблем историографии, отражающих общее состояние социальных и гуманитарных наук.

Например, чрезвычайно важным является внимание к словарю науки, который должен являться точным языком, понимаемым каждым специалистом, использующим его. Реальное положение дел в социальных и гуманитарных науках остается таким, что каждый ученый должен сначала разъяснить (хотя многие и не делают этого), в каком значении он применяет тот или иной термин. Даже многие энциклопедические издания по общественным наукам не являлись и не являются до сегодняшнего дня точным обобщением существующих знаний. Вместо этого они дискутируют по поводу ключевых слов, их истории, различных вариантов использования, систем идей, в которых они применяются, и трудностей оперирования ими.

Невозможно отрицать и тот факт, что история всегда несла в себе оценочные категории, связанные с ценностными ориентациями культуры и общества, к которому принадлежит исследователь. Любая ценностная характеристика всегда субъективна. Уже выбор темы, не говоря об анализе и выводах, предполагает включение шкалы ценностей исследователя в его работу. А. Тойнби справедливо отмечал, что «в каждую эпоху и в любом обществе изучение и познание истории, как и всякая иная социальная деятельность, подчиняется господствующим тенденциям данного времени» [3, с. 14].

Ученые также дискутируют о том, насколько при историческом исследовании применим дисциплинарный подход или же требуется междисциплинарное изучение региона (т.е. социально-территориальной общности; совокупности социальных, экономических, политических факторов развития территории), и можно ли в социальных и гуманитарных науках соблюсти в этом плане некий баланс интересов своей дисциплины и изучения региона. «В методологии общественных наук и региональных исследований существуют серьезные различия, — писала М. Олкотт. — Дисциплинарное изучение уделяет большее внимание микроанализу и предпочитает ставить вопрос «почему», а не «как». Региональные исследования фокусируются на макроанализе, обеспечивающем более универсальные выводы» [4, р. 137].

Направление исследований, определяемое как «микроистория», завоевало чрезвычайную популярность в мировой исторической науке. Термин использовался еще в 1950—1960-е гг., а в конце 1970-х гг. группа итальянских историков сделала термин *microstoria* знаменем нового научного направления, и под этим названием оно стало известно во всем мире. Микроанализ позволял увидеть преломление общих процессов «в определенной точке реальной жизни» [5].

Внимание к реальной жизни, реальному человеку привело историков к социальной истории, к пониманию необходимости написания работ «не о сильных мира сего, а о самых обыкновенных людях своего времени. Им самим предоставляется право голоса, чтобы рассказать о том, как они видели и мыслили себя в бурном потоке событий» [6]. Социальная история рассматривает исторический процесс прежде всего как движение общества вместе со свойственными ему институтами. При этом в центре внимания стоит человек не сам по себе, а как элементарная клеточка живого и развивающегося общественного организма [6].

Необходимость внимания историка к личным впечатлениям и жизненному опыту «простого человека» подчеркивает и Е. Зубкова. По ее мнению, «после того как социальная история пережила своего рода «бум», уже нет необходимости доказывать, что умонастроения и психологические ориентации людей являются самостоятельным фактором политического или экономического развития, поскольку они влияют на особенности социального поведения и в значительной степени определяют механизм принятия решений, в том числе и во властных структурах» [7].

Однако взгляды на социальную историю, понимание того, что она включает в себя, как соотносится с другими направлениями исторической науки, остаются предметом серьезного спора. Так, Е. Осокина, «опираясь на достижения историографии и неизбежно разделяя недостатки ее современного этапа», ставит вопрос о том, кто делает историю? Власть или общество? Вывод заключается в том, что «абсолютизация власти, ее контроля и влияния на общество не менее опасна, чем абсолютизация самостоятельности общества, его независимости от решений власти. Следует признать обе силы активными участниками исторического процесса. Они, преследуя свои интересы, сосуществуют, взаимодействуют и борются в реальной жизни, которая в итоге представляет результат их взаимных действий» [8].

В конце XX века широкое распространение в мировой историографии получила «новая социальная история», сторонники которой настаивали на коренном изменении соотношения между социальной историей и историей интеллектуальной, ментальной. Они считали, что история общества и образующих его больших и малых групп не может изучаться в отрыве от истории систем ценностей, форм социального поведения, символов и ритуалов.

Главной и определяющей чертой развития историографии середины XX века, по мнению Л. Репиной, «было движение за аналитическую междисциплинарную историю, обогащенную теоретическими моделями и исследовательской техникой общественных наук, в противоположность традиционной истории, которая рассматривалась исключительно как область гуманитарного знания... Если попытаться кратко сформулировать важнейшие отличительные черты социальной истории как области исторического знания, то, пожалуй, прежде всего следовало бы отметить ее удивительную подвижность и способность адаптироваться к радикальным изменениям в динамично развивающейся современной историографии... Своей изменчивостью и восприимчивостью, которые определяли внутреннюю логику развития этой дисциплины в течение нескольких десятилетий и позволили проявить все многообразие возможных форм истории “социально-го”, она обязана той предельной открытости другим областям знания — исторического,

гуманитарного, социально-научного, — которая заложена в самой природе ее интегрального объекта познания» [9].

Рубеж XX—XXI веков привнес в историографию истории новый импульс «лингвистического поворота». На смену модернизации и структурной социальной истории пришли исследования культурных механизмов, языка и семантики общества [10, с. 199]. Само название «лингвистического поворота» — «постмодернизм» — фиксирует внимание на разрыве с предшествующей исторической традицией. Это направление возникло в исторической науке под влиянием лингвистики и литературоведения. В области исторического знания оно в первую очередь явилось реакцией части интеллектуалов на марксизм и структурализм и ставило перед собой цель освободить творческую индивидуальность от пут и ограничений, налагаемых на нее всякого рода глобальными детерминизмами. Представители этого направления поставили под сомнение привычное понимание исторической истины, а некоторые из них вообще отрицали саму возможность обсуждения подобного вопроса [11].

В интерпретации постмодернистов стиралась грань, отделяющая историческое повествование от художественного. Они считали, что вольно или невольно историк ведет себя подобно писателю: он создает сюжет, которому в той или иной мере подчинены все собранные им данные. Даже в тех случаях, когда историк стремится быть максимально точным в интерпретации событий, они неизбежно, может быть помимо его намерений, превращаются в элементы фабулы, а результаты исследования организуются в связное и законченное повествование [12].

Проблема сегодня заключается не в том, что историкам не хватает эмпирического материала, хотя, конечно, академическое сообщество приветствовало, приветствует и будет приветствовать расширение источниковой базы. Вопрос в большей степени связан с аналитическими возможностями самой исторической науки. С нашей точки зрения, следует согласиться с российским исследователем А. Гуревичем, что «историки мы постольку, поскольку можем по-новому трансформировать и интерпретировать материал, проникнуть в такие глубины, таящиеся в исследуемых нами источниках, которые доселе не были изведаны, и по-новому их рассмотреть» [12].

Для профессионального сообщества историков «постсоветского пространства» два фактора представляются наиболее важными в контексте внутринаучных преобразований, кардинально изменивших ситуацию в исторической науке. Во-первых, «архивная революция», начавшаяся после 1991 г. Теперь историки, проводя исследования, могли свободно сочетать возможности, предоставляемые данными «устной истории», изучением советской и постсоветской политической культуры, с архивными материалами. Во-вторых, смена единственной («единственно правильной») марксистско-ленинской методологии на широкий спектр методологических подходов, применяемых в мировой исторической науке.

Историки оказались в чрезвычайно своеобразной ситуации. Эйфория, связанная с открытием архивов, достаточно быстро стала сочетаться с пониманием того, что историческая наука не в полной мере способна проанализировать этот архивный материал. Среди историков стали усиливаться сомнения в отношении письменного источника как ключевого в понимании исторического события, как инструмента, который «покажет то, что действительно произошло», как это было сформулировано основоположниками теории историзма. Письменный источник скорее показывает позицию его автора, чем реальный ход событий, и многие исследователи стали анализировать дискурс в том понимании, которое было предложено французским философом М. Фуко, и использовать такие источники, как дневники, письма, мемуары, для реконструкции мышления, менталитета определенного исторического периода. Методологические изменения не могли не

коснуться и историографии истории сталинизма. Здесь историки также сфокусировали внимание на культурной истории, языке и анализе дискурса [13].

Конечно, историк не в состоянии проверить свое знание опытным путем, поскольку объект его знания всегда находится в прошлом и ученый имеет дело только с его следом — историческим фактом. Исследователь также не может избавиться от своего знания последующих исторических событий и в соответствии с этим неизбежно корректирует отношение к свидетельствам современников того или иного события. Таким образом, исторический факт выступает в трех качествах — как реальность прошлого, как реальность прошлого, отраженная в источниках, и как результат научной интерпретации реальности прошлого, отраженной в источниках.

В новых независимых государствах изменения в историографическом комплексе были связаны со сменой методологических парадигм в гуманитарной науке, политической (выполнение новой национальной задачи) и организационной (формирование собственной структурной и кадровой базы) составляющими. Видение прошлого в конечном итоге определялось исторической ситуацией, в которой работает историк.

Рубеж тысячелетий стал для национальных историографий временем пересмотра устоявшихся воззрений и возобновления дискуссий практически по всему комплексу проблем отечественной и мировой истории. Во второй половине XX века мировая историческая наука прошла сложный и противоречивый путь. В целом это было поступательное развитие, которое привело к обновлению теоретических основ, методологии и методики историографии.

Происходит процесс углубления анализа, расширения предмета исследования. Однако, как всякий процесс познания, он не только увеличивает число решенных проблем, но и постоянно расширяет область неизвестного. Как писал С. Дмитриев, такая сложнейшая категория, как «социальные изменения», вполне возможно, является для обществоведения таким же вечным объектом познания, как для естествознания «природа». Познавать эту категорию людям, обществу доступно, возможно, но посильно ли достигнуть полного ее познания? [14].

«Историография» определяется в научной и справочной литературе как: 1) история исторической науки в целом, а также совокупность исследований, посвященных определенной эпохе, теме, проблеме; 2) отрасль исторической науки, изучающая ее становление и развитие, накопление исторических знаний и источниковой базы, борьбу и смену методологических направлений; 3) само описание истории, исторического процесса.

Мы рассматриваем историографию как специальную историческую дисциплину, изучающую историю накопления исторических знаний, развитие исторической мысли и методики исследования, историю создания исторических трудов и биографии ученых, влияние явлений общественно-политической жизни на творчество историков и воздействие исторической мысли на общественное сознание, историю научных учреждений, организации исторического образования и распространения исторических знаний.

История во взаимодействии с другими социальными и гуманитарными науками способна дать варианты объяснения прошлого и дает их. Дает в том случае, если методологической основой исторического исследования являются научные принципы историзма, системного и всестороннего подхода к рассматриваемым вопросам.

Список использованной литературы

1. King G., Keohane R., Verba S. Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research. Princeton, 1994.

2. Meyer A. Comparative Politics and Its Discontents: The Study of the USSR and Eastern Europe // Political Science and Area Studies: Methodology and Empirical Theory: Rivals or Partners? Bloomington, 1975.
3. Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991.
4. Beyond Soviet Studies. Washington ; Baltimore, 1995.
5. Кром М. М. Историческая антропология [Электронный ресурс]. URL: http://www.eu.spb.ru/history/reg_hist/posobie.htm. Дата обращения 2.03.2012 г.
6. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. М. : РОССПЭН, 1998.
7. Зубкова Е. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М. : РОССПЭН, 2000.
8. Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941. М. : РОССПЭН, 1998.
9. Репина Л. П. Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия // XX век: Методологические проблемы исторического познания. М., 2001.
10. Глебов С., Могильнер М., Семенов А. The Story of Us: Прошлое и перспективы модернизации гуманитарного знания глазами историков // НЛЮ. 2003. № 2.
11. Гуревич А. Я. Историк конца XX века в поисках метода [Электронный ресурс]. URL: <http://tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/G/GurevichAJa/metod.html>. Дата обращения 2.03.2012 г.
12. Гуревич А. Я. Территория историка [Электронный ресурс]. URL: <http://tuad.nsk.ru/~history/Author/Russ/G/GurevichAJa/territoria.html>. Дата обращения 2.03.2012 г.
13. Постмодернистский анализ советской субъективности // Меньковский В. И., Уль К., Шабасова М. А. Советский союз 1930-х гг. в англоязычной историографии. Сыктывкар, 2013.
14. Из дневников С. С. Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 2. С. 142—153.

Поступила в редакцию 21.05.2014 г.

Меньковский Вячеслав Иванович, доктор исторических наук, профессор
Белорусский государственный университет
220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, 4
E-mail: menkovski@bsu.by; menkovski@tut.by

UDC 930.1

V. I. Menkovsky

History, historiography and historical memory

The paper analyzes the state of social sciences and humanities as social and scientific phenomena in the second half of the XX — beginning of the XXI century. It also considers the evolution of methodological paradigms and evaluation categories related to the value orientations of culture and society.

Key words: scientific community, historical fact, historiography, social sciences and humanities.

Menkovsky Vyacheslav Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Belarusian State University
220030, Republic of Belarus, Minsk, Nezavisimosti avenue, 4
E-mail: menkovski@bsu.by; menkovski@tut.by